

Новые имена

Труд. - 1993. - 10 янв. с. 6.

ЧЕЛОВЕК С ЛУБЯНКИ

Театр «Детектив» возник на заре перестройки по инициативе лучшего Шерлока Холмса всех времен и народов Василия Борисовича Ливанова, под крылом Министерства внутренних дел. Театральную Москву приятно удивило то, что теперь в столице будет театр, ставящий детективы, — раньше ими на драматической сцене вообще никто не занимался. Вскоре, однако, о новом театре забыли — благо он о себе почти не напоминал. Практически незамеченным прошел и уход из «Детектива» его основателя В. Ливанова.

Так что когда меня случайно занесло на идущую в «Детективе» «Скамейку» А. Гельмана, я был этому совсем не рад. Старая пьеса, неизвестный режиссер, актеры, о которых я ничего не слышал... И я, поудобнее расположившись в кресле, приготовился честно отбыть положенный срок — благо пьеса короткая. То, что я ошибался, мне стало ясно минут через десять.

От такого театра мы успели отвыкнуть. Никаких броских ходов, ничего внешнего, быющего на эффект. Все, что придумал режиссер, спрятано в актерской игре; спектакль складывается из пауз и интонаций, тонких, тщательно подобранных психологических нюансов. Внешнего действия почти нет; внутреннее жестко закручено и напряжено — мужчина и женщина, сидя рядом, разговаривают, а в это время переворачивается вся их жизнь... Спектакль кончился, я подивился тому, что традиции русского психологического театра надо искать в бывшем клубе НКВД, и пошел за кулисы — знакомиться.

Главный герой, он же режиссер, он же художественный руководитель театра, еще не успел снять грим. Владимир Николенко, в прошлом — актер в Ростове-на-Дону, позже артист «Детектива» и его нынешний лидер... Впрочем, он уже известен в Москве — в начале этого года Николенко сыграл Паскуале в «Призраках» Эдуардо де Филиппо на сцене Театра имени Пушкина — присяжные театралы эту работу запомнили. На сцене (да и в жизни тоже) он кажется человеком мягким, нерешительным, даже робким. Словом, артист, в чье амплуа роль худрука не входит, тем более — в театре МВД, примыкающем к Лубянке чуть не вплотную! Я не удержался и выпалил: Володя, скажите, вас эти стены не давят?

— Да как сказать... Вы ведь, наверное, не знаете, что до революции в этом здании было офицерское собрание, позже — ЧК, а потом Берия пытался сделать из него культурный центр НКВД. Скорее всего он просто позабыл армией, которая строила в это время ЦАТСА, и по его приказу спешно сформировали чекистский ансамбль. Специалисты набрали в лагерях, из репрессированных артистов — доски нашей сцены еще помнят, как они когда-то на них плясали. После премьеры «приглашенные» сменили фрак на зековские робы и снова отправились на Колыму (правда, многим сократили сроки).

Так что чекистский дух здесь чувствуется — и сапоги словно бы поскрипывают, и шевроны чекистские блестят. Панели на стенах дубовые, люстры под потолком из тридцатых годов, а под зданием, до самой Лубянки, — цель запечатанных подвалов.

А что в них было в тридцатые годы — один Бог знает...

— Но на ваших спектаклях, как я убедился, весь этот ужас не сказывается. Хотя существует же старое театральное поверье о несчастном театре, построенном на костях... В нем, правда, имеется в виду Театр Пушкина, ваш второй сценический дом, ради которого в свое время снесли кладбище. Великому Таирову пришлось из него уйти, невеликого, но крепкого главрежа Бориса Морозова «съела» труппа, и какова-то еще будет судьба его преемника Юрия Еремина...

— Вы, наверное, подразумеваете уход из «Детектива» Василия Борисовича Ливанова, основателя нашего театра? На мой взгляд, ничего трагического здесь нет. Он вступил в жесткий конфликт с МВД и никаких компромиссов не искал. А ведь без опеки и поддержки, неважно чьей — государства, организации, спонсора — сейчас не выживет ни один театр. Конфликт перекинулся внутрь коллектива, семь месяцев у нас не было спектаклей... Разрешилась ситуация с уходом Василия Борисовича.

— А название «Детектив» не исчезнет с афиши театра вместе с именем Ливанова?

— Театр Ленинского комсомола не перестал быть Ленкомом, когда комсомол исчез (хотя аналогия для нас, пожалуй, не в меру лестная). Публика к такому названию привыкла. Да в конце концов не в названии дело. «Преступление и наказание» — детектив, как и любая пьеса Шекспира. Каждый спектакль, поставленный так, чтобы его смотрели, застав дышание, выстраивается режиссером как детективная история. Хотя чистый детектив меня лично не волнует. Я исповедую очень традиционный, психологический театр. И больше всего в нем я люблю актера. Интонация, поворот головы, движение руки, за которыми — мысль, страсть, боль... Вот это Театр. А все остальное — от лукавого. Или, в худшем случае, от режиссерских непрофессионализма и беспомощности.

Сейчас мы репетируем Чехова, новую пьесу нам обещал Гельман, на выходе спектакль по Агате Кристи. Словом, живем, работаем, вот даже в Италию должны поехать. Итальянский продюсер, владелец второго частного канала телевидения, попал к нам на спектакль, был крайне удивлен, что детективы можно ставить и так, и взялся за организацию гастролей. А что до стен, которые давят... Люди меняются и здесь — мы нашли общий язык и с министром, и с его замом. Но главное все же не в этом. Знаешь, когда я гляжу на людей, которые приходят к нам, на тех, кто, прослышав о любопытном спектакле, отправился в малоизвестный театр, на другой конец разоренной Москвы, мне начинает казаться — выдержим и мы, и все наше искусство, и страна поднимется. Пока в людях жива душа, мы не пропадем.

На этой ноте мы и расстались с Николенко. Он отправился в свой заваленный декорациями кабинетик, куда некогда, быть может, заходил сам первый чекист. Я вместе с последними зрителями вышел на улицу, в морозную и пустую московскую ночь, где криминальные сюжеты, в отличие от театральных, возникают на каждом углу.

Алексей ФИЛИППОВ.